

Сияющая девушка (1).

Меня зовут Джон Камерон, но в семье все меня зовут Джек, и так было всегда, за исключением моего дедушки, который неизменно называет меня Джеко, тем же именем, что и его неряшливого, вонючего Джека Рассела. Он пытался мне на что-то намекнуть....?

Когда мне было чуть больше года, мои родители развелись, и моя мать привезла меня обратно в Англию из Японии, где мы до этого жили. Мой отец остался в Осаке, где он был главным консульским работником или кем-то еще, кем-то вроде старшего дипломата в Министерстве иностранных дел и по делам Содружества. У него не было никакого интереса возвращаться в Англию, он предпочел остаться в Японии, и поскольку у меня не было никакого интереса когда-либо возвращаться в Японию, особенно для того, чтобы увидеть или остаться с человеком, которого я совсем не знал, я больше никогда его не видел.

Не то чтобы я возражал; я вообще его не помнил, только иногда у меня возникала странная вспышка воспоминаний, когда я смотрел на его фотографию. Моя связь с отцом ограничивалась открытками на день рождения, рождественскими подарками, когда я был моложе, его оплатой моих школьных счетов и (очень) редкими телефонными звонками; он не был тем, кого можно было бы назвать любящим человеком. Моя мать была довольна тем, что была его лучшим другом, поскольку быть хорошим мужем или женой было для них чем-то таким, чего ни один из них не мог достичь. Как у лучших друзей, находящихся на расстоянии, их отношения, казалось, складывались хорошо, и они оба были вполне довольны таким положением дел, как и я.

Я вырос в довольно большом, комфортабельном доме в Копторне, в Шрусбери - маленьком городке на реке Северн в пограничных районах Уэльса, месте, не имеющем особого значения, за исключением того, что это окружной город. Мой отец заплатил за то, чтобы я ходил в школу Шрусбери поденщиком, одним из немногих местных мальчиков среди орды пансионеров из трастового фонда.

Пока я рос, у моей матери время от времени появлялся парень, но они оставляли меня в покое, и я по большей части полностью игнорировал их поведение, что устраивало все стороны. В результате у меня не было другого значительного мужского влияния, кроме моего дедушки, отца моей матери, который жил в огромном доме священника 18 века за пределами Освестри, примерно в 20 милях от Шрусбери.

Мой отец женился на японке Сэцуко вскоре после того, как они с матерью развелись, и примерно через год у них родилась дочь Тэруко, что, по-видимому, означает "Сияющее дитя", и время от времени (особенно когда она была маленькой) я получал от нее изящные маленькие каллиграфические открытки на день рождения и Рождество, адресованные "уважаемому старшему брату", и даже пару ее фотографий.

Я мог понять, почему ее называли "сияющим ребенком". У нее была очень светлая кожа - это не тот розоватый цвет лица "персик со сливками", который бывает у японских и корейских девушек, а скорее европеоидный, и у нее были прекрасные, длинные, светлые волосы темно-медового цвета, не такие светлые, как у моего отца, и совсем не такие, как у меня. Я - темно-

каштановый, как мать. С ее большими, черными как смоль, глазами, она выглядела довольно привлекательно, как со всех сторон симпатичный маленький ребенок. Черты ее лица явно были такими же, как у ее матери, поскольку я не видел непосредственного сходства между ней и моим отцом или мной самим.

Когда мне было 18, я сумел сдать все экзамены на пятерки и подал заявление в университет. Я хотел изучать машиностроение в Манчестере или Имперском колледже в Лондоне, поэтому послушно заполнил все необходимые документы и отправил их на обработку. Я уже подал заявку на финансирование, поэтому не собирался просить о помощи своего отца; он перестал поддерживать меня в мой 18-й день рождения, что было прекрасно и полностью соответствовало соглашению, которое они с мамой заключили, когда впервые расстались, и казалось несправедливым снова просить у него денег.

Теперь, когда мои выпускные экзамены закончились, мне нужно было убить большую часть летних каникул, и мама предложила мне взять несколько дней и уехать куда-нибудь, может быть, в Айя-Напу или Римини, или, может быть, на Микonos, повеселиться и выпустить пар после экзаменов. Итак, я поехал в Римини с кучей школьных друзей, выпил там огромное количество виски и похудел из-за постоянных вечеринок.

Неделю спустя я вернулся домой, истекая алкоголем из каждой поры, и узнал ужасную новость.

Мой отец и Сэцуко накануне попали в автомобильную аварию в Осаке, и оба они погибли, а мама и я числились ближайшими родственниками Тэруко, которой было всего 15 лет, и британское консульство в Осаке попросило меня, как ее единственного родственника, приехать и забрать ее.

Я прибыл в Осаку после перелета, длившегося почти 14 часов, и обнаружил, что меня ждут помощник генерального консула Великобритании и чиновник из канцелярии Шушо, премьер-министра. На самом деле присутствие помощника консульства было проявлением вежливости. Мой отец погиб, когда он был в личной поездке, в отпуске.

По-видимому, они направлялись забрать Тэруко из школы-интерната, когда произошел этот несчастный случай. Поскольку отец не был в дипломатической резервации, консульство не смогло подписать ни одной полицейской документации, потому что папа был в отпуске, когда умер, отсюда и необходимо мое присутствие.

Японское правительство, однако, из кожи вон лезло, чтобы облегчить мне жизнь. Было бы совсем нехорошо, если бы международной прессе стало известно, что высокопоставленный британский дипломат, следовательно, помощник премьер-министра, был убит гражданином Японии.

Консул потратил, как мне показалось, чрезмерно много времени, извиняясь за обстоятельства, приведшие к смерти моего отца и его жены, на совершенно идеальном английском с "принятым произношением". Я успокоил его, заверив, что я ни в чем не виню его, премьер-

министра, императора, японский народ, Мотру, Родана или Годзиллу; это был просто трагический несчастный случай, и такие вещи случаются. Казалось, это был единственный способ успокоить его и, по сути, избавиться от него.

После обычных любезностей и соболезнований помощник консульства перешел к причине моего пребывания там.

"Я отвезу вас навестить вашу сестру, мистер Камерон, - сказал он мне. - Когда мы услышали, что произошло, консул и его жена забрали ее из школы и сообщили ей новость о несчастном случае; она остановилась у консула и его семьи, так что я отвезу вас сейчас туда. Извините, я действительно вам не завидую. Вы раньше встречались со своей сестрой?"

Должен признаться, у меня была только пара ее старых фотографий, сделанных, когда ей было девять или десять лет, так что я действительно понятия не имел, какая она и как отреагирует на меня.

Когда мы прибыли в резиденцию консула, меня ждал сам британский консул, некий мистер Симпсон; он, очевидно, знал, что отец скончался, но до сих пор он сказал Теруко только, что они попали в аварию, но еще не рассказал ей худшую часть; он думал, что подобные новости должны исходить от члена семьи. После некоторой бессвязной светской беседы и выражения соболезнований он спросил меня, не хотел бы я с ней встретиться. Я согласился, и он вышел в коридор и позвал по-японски: "Теруко, не могла бы ты подойти сюда, пожалуйста?"

Подождав несколько секунд, я увидел худощавую фигуру, спускающуюся по лестнице в сопровождении пожилой женщины, вероятно, жены консула.

Когда она вошла в комнату, я впервые увидел свою младшую сестру. Она была меньше, чем я ожидал от 15-летней школьницы - 5 футов 2 дюйма или около того. Стройная и похожая на эльфа девушка, с крошечными ручками и большими темными миндалевидными глазами, а также яркими волосами медового цвета, каскадом ниспадающими почти до пояса. Она выглядела изысканно, как фарфоровая кукла. Я был немного не уверен, как поприветствовать ее, и говорит ли она хоть немного по-английски. Обнять ее, поцеловать в щеку или просто пожать руку?

Когда она увидела меня, ее глаза расширились, так что она, очевидно, узнала меня по моим фотографиям. Девушка остановилась и нерешительно улыбнулась, прежде чем поклониться. Затем она сказала что-то формальное, почти ритуальное, и я беспомощно посмотрел на консула в поисках помощи.

"Она сказала: "Приветствую уважаемого старшего брата", - мягко сказал мистер Симпсон. Я кивнул ему в знак благодарности.

"Теруко, пожалуйста, садись, у меня очень печальные новости", - сказал консул по-японски и перевел мне свои слова. Глаза девушки стали еще больше, и на них навернулись слезы, поэтому я дал ей свой носовой платок.

"Твоя мать и мой, то есть наш, отец умерли от полученных травм, мне очень жаль", - сказал я, а консул перевел. Ее маленькое личико сморщилось, и слезы покатались по щекам. Я предложил ей свою руку, и она прижалась ко мне, беззвучно плача. Рыдания сотрясали ее хрупкое тело, когда я прижал ее к себе и нежно погладил, не зная, как справиться с таким горем.

Насколько я знал, теперь я был ее единственным родственником, и хотя моим долгом было заботиться о ней, я беспокоился о том, как затащить ее в Англию, когда все, что она знала, была Япония. Я посмотрел на Симпсона.

"Есть ли у нее бабушка с дедушкой или семья, с которой она, возможно, могла бы жить здесь? Не хотелось бы отрывать ее от Японии с корнем и везти в чужую страну", - спросил я его, и он мягко расспросил девушку, как только она немного успокоилась и взяла себя в руки.

"Теруко, где твои бабушка и дедушка?"

Она выглядела встревоженной и начала быстро говорить.

Я сидел молча, пока она тараторила, а лицо мистера Симпсона становилось все более и более мрачным. Когда она закончила рассказывать, по ее щекам покатились еще больше слез.

<http://tl.rulate.ru/book/406/3899>